

*Закирьян АМИНБЕВ,
кандидат философских наук*

О государственности башкир средневековья

1. К проблеме социально-политического устройства башкирского общества в начале II тысячелетия нашей эры

Тема о существовании у башкир собственных государственных образований не нова, но продолжает оставаться мало исследованной и весьма актуальной. Касаясь историографии проблемы, отметим, что объективное исследование ее началось относительно недавно и количество научных работ, посвященных данной теме, не так уж и велико.

Одними из первых вопрос о наличии у башкир собственных государственных образований в период раннего средневековья поставили в 70-е годы прошлого столетия Д.Ж.Валеев и Р.З.Янгузин. В совместной работе, посвященной проблеме формирования башкирского народа, они пришли к выводу, что башкиры в раннем средневековье должны были иметь государственные образования [1, с.95—106]. Поскольку целью исследования было выяснение особенностей ранних этапов формирования башкирского народа, а не анализ становления собственно государственности у башкир, эту проблему авторы рассмотрели лишь в контексте подтверждения своих тезисов о раннем формировании башкирского народа.

Вплоть до 90-х годов XX в. научные разработки в данном направлении не велись. Причина «закрытости» таких исследований заключалась в последовательном и неукоснительном исполнении партийных решений «по борьбе с башкирским буржуазным национализмом». Ситуация изменилась только в перестроечный период, когда у ученых, освободившихся от партийного диктата, появилась возможность проводить исследования и публиковать труды по темам, ранее находившимся под запретом, в том числе по вопросу государственности башкир. Одной из первых работ, где подробно были освещены вопросы общественных отношений и государственности ранних башкир, явилась книга Н.А.Мажитова и А.Н.Султановой «История Башкортостана с древнейших времен до XVI века» [2]. В данной работе авторы на основе комплексного анализа письменных и археологических источников пришли к выводу, что уровень политической культуры и общественной жизни башкир в IX—XII вв. ничем не уступал состоянию уровня развития кимако-огузских племен Южной Сибири и Казахстана, волжских болгар, хазар, дунайских венгров, гузов [2, с.205—210].

В работе, опубликованной в 2004 году, Н.А.Мажитов в пользу изложенной ранее точки зрения привел новые аргументы и факты, позволившие ему более уверенно говорить о наличии у башкир в эпоху средневековья собственных государственных образований [3, с.158—166].

Точка зрения о существовании у башкир собственных государственных образований была поддержана рядом других исследователей: Р.Г.Букановой [4, с.195—197; 5], Г.Б.Хусаиновым [6, с.115—119], А.Г.Янгалиным [7, с.133—166], А.Зариповым, А.Зариповой [8, с.167—172], а также автором данной статьи З.Г.Аминевым [9]. Наличие в прошлом государственности у башкир начали признавать не только ученые Башкортостана. Исследователь из Татарстана профессор М.З.Закиев, анализируя огромный пласт древних источников, также обратил внимание на многочисленные исторические факты, свидетельствующие в пользу точки зрения о существовании у башкир государственных образований [10, с.396—402].

О существовании государственности ранних башкир свидетельствуют и археологические данные. Результаты археологических раскопок последних лет городища Уфа-II на территории современного города Уфы позволяют уверенно говорить, что государственность башкир подтверждается существованием и длительным функционированием населенного пункта, который можно рассматривать в качестве крупного административно-политического и торгово-ремесленного центра. Существует и большая вероятность отождествления данного археологического памятника со столицей средневекового Башкортостана.

Памятник впечатляет хорошей сохранностью культурных слоев мощностью до 4 м. Раскопками выявлены следы монументальной архитектуры (оборонительная стена, жилища), меде- и железоплавильных печей, ювелирной мастерской, деревянных уличных мостовых и получена богатая коллекция находок. Собранные археологические материалы свидетельствуют, что древний город, предшественник современного города Уфы, возник на рубеже IV—V вв. н.э. и непрерывно существовал до середины XVI в., когда первые русские переселенцы после добровольного вхождения Башкортостана в состав Русского государства построили на территории этого города опорную крепость, известную как Уфимский Кремль.

Городище Уфа-II не единственный археологический факт, свидетельствующий о наличии государственности башкир. Следует подчеркнуть, что в арабских и западноевропейских источниках IX—XVI вв. на Южном Урале упомянуто более 10 городов, из которых в настоящее время открыт и исследуется только один.

В настоящей статье автор попытался дать реконструкцию социально-политического устройства башкирского общества периода ранних государственных образований. Поскольку каждое государство как социальный организм имеет свою территориальную и социальную структуру, необходимо выяснить структурное устройство собственно башкирского общества. Без исследования этих вопросов утверждение о существовании государственных образований у башкир будет преждевременным.

Реконструкция социально-политического устройства башкирского общества периода ранних государств IX—XII вв., несмотря на определенную трудность из-за малочисленности источников по теме, вовсе не безнадежное дело. До-

шедшие до нашего времени нарративные сведения позволяют предполагать, что в указанный период башкиры находились в окружении огромного тюркского мира, и, являясь частью этого мира, принимали самое активное участие во всех военно-политических и иных делах тюрков. В то же время башкиры, прекрасно понимая свою принадлежность к тюркскому миру и гордясь этим [11, с.293, 294, 297], глубоко осознавали и свое «башкирство», т.е. дистанцируясь, четко выделяли себя из общетюркской массы [11, с.297]. По мнению историка-медиевиста А.Я.Гуревича, «момент осознания обществом своей природы всегда есть важный этап его развития и показатель зрелости сложившихся отношений» [12, с.105].

Именно осознание своей особенности, которое может появиться только при сравнении с соседями, с другими этносами, приводит к появлению потребности самоопределения этноса. По мнению Р.А.Арцишевского, мировоззрение представляет собой «попытку духовного самоопределения» и «форму самосознания» именно социального субъекта, т.е. общества (с.20). Именно коллективные представления и установки, а не индивидуальный опыт и переживания формировали содержание мировоззрения в так называемых «традиционных» обществах (с.20, 22) [Арцишевский Р.А.. Мировоззрение как проблема исторического материализма // Мировоззрение: опыт теоретического анализа. М., 1985. с.20: цит. по книге «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири». Книга 1. Новосибирск, 1988. С.6)] «Здесь вспоминаются слова А.Я.Гуревича про появление общего этнонима... То есть без мировоззрения нет и не может быть народа. Народ и становится народом только с формированием своего мировоззрения... Шульган отражает свое время, Урал отвечает требованиям своего времени...»

Принадлежность башкир к тюркам осознавали и остальные тюркоязычные народы и племена. Так, живший в XI в. Махмуд бин Хусаин бин Мухаммад Кашгари, автор известного словаря тюркских языков «Дивани лугат ат-тюрк», указывает башкир среди двадцати крупных самостоятельных тюркских народов, имеющих свою отдельную от других тюрков территорию проживания [13]. Находясь в окружении тюркских народов, имевших довольно развитое для своего времени социально-политическое устройство, вольно или невольно принимая участие в совершаемых ими делах, башкиры должны были ощущать на себе их мощное культурное влияние. В то сложное время выживали сильные, умеющие дать отпор любым посягательствам на экономическую, политическую, этническую самобытность народы. Чтобы не раствориться, не исчезнуть среди своих многочисленных и сильных соседей, башкирское общество должно было соответствовать уровню развития общественных отношений своих соседей. Именно это состояние башкирского общества отражено во всех сочинениях восточных авторов IX—XII вв.

Дошедшие до нас свидетельства арабских авторов указывают на близость культуры башкир к культуре волжских болгар, которые в то время находились на довольно высоком уровне как общественного, так и культурного развития. Источники Идриси, восходящие к IX—X вв., сообщают, что «обычай башкир такие же, как у болгарских тюрков» [2, с.207].

О достаточно высоком уровне социально-политического устройства кимаков, о наличии у них признаков ранней государственности свидетельствуют средневе-

ковые авторы, которые Южный Урал, где башкиры и кимаки вступали в контакт, рассматривали как окраину кимакского государства [14, с.60—65, 113].

Известный российский археолог и крупный специалист в области кочевых цивилизаций С.А.Плетнева формирование башкирского народа и его высококоразвитой культуры на Южном Урале с прилегающими землями относит к глубокой древности. По ее мнению, башкиры по уровню развития культуры и общественных институтов ни в чем не уступали своим соседям. Она отмечает, что на этих землях башкиры сформировались очень рано и, несмотря на все многочисленные исторические катаклизмы, продолжали обитать там же, что обеспечило их устойчивое и поступательное развитие до современности. Именно длительностью проживания на одном месте (на Южном Урале. — **З.А.**) объясняет С.А.Плетнева удивительную жизнестойкость и сохранение культурных традиций башкир [15, с.238, 239].

При изучении социально-политического, экономического состояния башкирского народа в вышеуказанный период важное значение, наряду с другими источниками, имеют фольклорные материалы, которые содержат очень интересные и ценные сведения по указанной проблеме. Известный российский специалист В.В.Трепавлов признает фольклор одним из ценнейших источников для изучения социально-политических институтов тюркских народов эпохи средневековья [16]. Примером удачного использования эпосов и других фольклорных материалов при анализе социальной истории, культуры раннесредневековых скандинавских народов являются получившие мировую известность работы А.Я.Гуревича [17], а широко известный эпос «Деде Коркут» послужил основным источником при анализе общественного строя огузов В.П.Курылеву [18].

Башкирский народ сумел сохранить и донести до наших дней созданные им в разные исторические эпохи многочисленные эпосы, в которых нашли яркое отражение многие стороны жизни башкирского общества, в т.ч. и его социально-политическое устройство. Среди них особо выделяется эпос «Урал-батыр», состоящий из космогонических мифов, в которых отражены многие стороны жизни древних людей, их представления о возникновении мира, человека, социума, норм нравственности, зачатков права и др. Для исследователя, изучающего социально-политическую историю древних народов, интерес представляют также такие эпосы, как «Акбузат», «Кусяк-бий», «Куныр буга», «Заятуляк и Хыухылыу» и др. В них, в частности, содержится обширная информация о социальной стратификации башкирского общества, об общественных отношениях и т.п. По мнению ряда исследователей, например, сюжет эпоса «Кусяк-бий», который отражает исторические реалии IX—XII вв., дает право говорить о Масим-хане, одном из главных персонажей этого эпоса, как об исторической личности [19; 20, с.503; 21, с.180; 22, с.280—281; 1, с.95—106]. Мнение башкирских ученых, что данный эпос насыщен историзмом, подтверждается исследованиями казахских ученых [23, с.156—157, 163, 168—170; 14, с.61].

При реконструкции устройства средневекового башкирского общества важным подспорьем являются материалы по печенегам, в частности, это описание социально-политической составной печенегов, оставленное Константином Багрянородным. Сведения об устройстве печенежского общества были удачно

использованы в качестве сопоставительного материала при реконструкции общественного строя половцев XI—XII вв. известным ученым Г.А.Федоровым-Давыдовым [24, с.218]. Здесь же отметим, что в нашем распоряжении имеются и результаты исследования социально-политического устройства печенегов А.В.Марья [25] и Т.В.Любчанского [26].

Обращение к печенежским материалам при реконструкции социально-политического строя башкир вполне оправданно в силу их культурной и военно-политической близости, которая проявлялась в их союзнических отношениях, вхождении башкир в состав печенежской конфедерации. Не случайно со второй половины IX — до первой половины X века башкиры в письменных источниках неоднократно упоминаются как союзники печенегов. Так, предки башкир — баджгарды во второй половине IX в. вместе со своими союзниками баджнаками, баджна и наукердами принимали участие в битве с огузами, карлуками и кимаками у Гурганского (Аральского) моря. Краткое описание этих событий имеется у ал-Макдиси [14, с.58]. Союз этих четырех народов после событий у Аральского моря не распался, и данные о союзнических отношениях между ними всплывают спустя сто лет в связи с событиями в Северном Причерноморье.

Описывая события и народы Северного Причерноморья, ал-Масуди (умер около 956 г.) пишет, что в 932 году четыре народа племени турка — баджна, баджгард, баджнак и наукерд воевали с Византией за обладание городом Валандаром, ... а пошли на город Константинополь [27, с.104]. Имеются также сообщения восточных авторов о набегах, совершаемых союзом упомянутых выше четырех народов на славян [28, с.307]. Эти же народы упоминаются в связи с хазарами и аланами [29, с.159].

Устойчивое упоминание башкир вместе с печенегами показывает, что их связывало не только отмеченная выше близость, но и, скорее всего, близость происхождения. У М.Уметбаева, выдающегося башкирского писателя, знатока истории своего народа, имеется сообщение со ссылкой на Ибн Халдуна (XIV в.) о том, что печенеги, как одно из этнических подразделений, наряду с канглы, дуван, табын и другими, входили в состав башкирского народа [30, с.323]. О том, что какая-то часть печенегов после разгрома их половцами пришла на Южный Урал и вошла в состав родственных им башкир, имеется упоминание в башкирском эпосе «Узак-Тузак — бала бэшнэк ярсыгы» [31].

Самое раннее описание социально-политического устройства печенежского общества принадлежит перу Константина Багрянородного, оставившего для истории имена восьми печенежских племен, родоплеменная структура которых была построена по принципу дуальности, то есть делилась на две части, каждая из которых состояла из четырех племен, занимавших определенную территорию [32].

Каждое племя («округ» по Константину Багрянородному». — **3.А.**) в свою очередь делилось на пять родов. Он же сообщает о выборности предводителей племен. Выборность князя сочеталась с сохранением власти за одним аристократическим родом. Главой племени были «великие» князья, а во главе рода стояли «меньшие» князья [24, с.218].

В XI в. печенежское общество в своем социальном развитии прогрессировало: появляются зародыши раннефеодального государства, что выразилось

в оформлении наследственной власти, в попытках объединения нескольких племен под властью одного «князя». В этот период возникают характерные для феодального устройства междоусобные смуты, что выразилось в борьбе князей за установление своей власти над соседними печенежскими племенами. Ярким отражением этой борьбы является противостояние родов Тираха и Кегена, описанная в византийских источниках [24, с.219].

Аналогичное социально-политическое устройство башкирского общества мы обнаруживаем и во множестве вариантов башкирского эпоса «Кусяк-бий» [11, с.358—361]. В нем башкирское общество предстает союзом двенадцати племен (ырыу), возглавляемых своими биями, которые, в свою очередь, подчинялись хану по имени Масим, имеющему огромное и сильное войско. Эпос также повествует, что в те времена властвовали сильные племена, которые часто совершали набеги, убивали, грабили, отнимали у слабых скот, уводили население в плен [11, с.293]. Кроме ханов и подчиненных ему биев, в эпосе фигурируют также батыры и народ. Скот ханов и биев пасут рядовые пастухи, которые живут впроголодь, годами не получая никакой платы за свой тяжкий труд [11, с.316, 317 и др.]. Эти данные, по мнению Д.Ж.Валеева, Р.З.Янгузина, указывают на социальное расслоение башкирского общества, на его стратифицированность [1, с.95—106].

В эпосе сообщается, что все племена, подчиняющиеся Масиму, хотя и тюрки, не являются единокровными, а имеют различное происхождение. Только наличие верховной и подчиняющей их власти хана позволяет этому обществу существовать. Власть хана была неограниченной: он владел жизнью и смертью своих подданных. Так, когда было установлено, что именно Каракулумбат-бий убил Бабсака, Тимеркотло и Тамьян вознамерились убить Каракулумбата за совершенное им преступление, только вмешательство Масим-хана не позволило им совершить это.

Из текста эпоса также следует, что племена, находившиеся в подчинении Масима, жили на землях, которые им отвел Масим-хан [11, с.293]. Он же имел право по своему усмотрению назначать кого-либо бием над всеми биями. Например, в эпосе упоминается назначение Бабсака бием над биями двенадцати племен. Предводители племен (бии) являлись к хану Масиму по первому зову со всем своим войском. В эпосе поводом для такого вызова указывается охота. На первый взгляд этот повод представляется несущественным, однако необходимо иметь в виду, что в тюркских ханствах облавная охота была не только забавой и развлечением, а, наряду с большим хозяйственным значением, имела, прежде всего, огромное военное назначение: являлась одновременно средством и воспитания военных навыков, и выработки дисциплинированных коллективных действий, и военным смотром боеготовности войска [14, с.92—93, 33, с.32]. Эти факты, как нам представляется, указывают на наличие института вассалитета.

Получив вызов от хана Масима, каждый из подчиненных ему биев-вассалов являлся к нему со всем своим войском к указанному времени и в указанное место. В эпосе указывается количество людей в военных отрядах только четырех биев: племен тунгаур, тамьян, бурзян и кыпсак. При этом бий тунгаурцев Тимеркотло пришел с отрядом численностью 180 человек, бий тамьянцев по имени Тамьян — 150 человек, а бий бурзянцев Каракулумбат — 360 человек. О количестве людей в отряде, выставленном племенем кыпсак, в эпосе не го-

ворится, а только указывается, что сами они в свою очередь делились на восемь подразделений, каждый из которых имел войско.

До нас дошли сведения арабского автора первой половины X в. Абу Заид аль-Балхи (умер около 940 г.), который, говоря о наличии двух групп башкир, отметил, что одна из них проживает ближе к булгарам и она, якобы, состоит из двух тысяч человек [34, с.123]. Мы полагаем, что в данном случае речь идет о количестве не всех башкир данной группы, а о числе выставляемого ими войска. Предполагать это позволяет точное указание количества башкир — ровно 2 тысячи человек. В то время вряд ли даже правители башкирского общества владели точными данными о своих подданных, не говоря уже об арабах, непосредственно с башкирами не контактировавших. Данные же о численности войск знали, видимо, и соседи.

Сказанное выше позволяет заключить, что войско башкир подразделялось не только на сотни, три сотни, тысячи, но, видимо, было и войсковое подразделение в 2 тысячи человек. Данный вывод находит свое подтверждение в башкирском фольклоре. В частности, в эпосе «Идукай и Мурадым» упоминается о мобилизации Идукаем двухтысячного войска, которое было отправлено на войну. Кроме того, у Идукая была личная тысячная гвардия [21, с.78—79].

О существовании дуальной организации башкир, как и у печенегов, свидетельствует эпос «Кусяк-бий»: у башкир, кроме Масим-хана, был и второй хан по имени Ураз. Ежегодно в определенное время два башкирских хана собирались в одном месте и устраивали игрища, где соревновались в бегах, борьбе и т.п. [11. С.297].

Дуальная организация, по всей вероятности, фиксируется и в делении башкир на две группы, о чем были информированы ал-Балхи [27, с.85, 105], Истархи [30, с.324] и ал-Масуди (умер около 956) [27, с.104]. В сочинении Идриси, в частности, говорится о делении башкир на внутренних и внешних. Деление общества башкир на две группы (южное/төшлөк и северное/төн) также отражено в собственно башкирских эпосах «Куныр буга» [35, с.274—292], «Зухра и Алдар» [36, с.151—292].

Дуальная организация башкирского общества, деление на «внешних» и «внутренних», отражены, видимо, и в этнонимах «кудей» (по башкирски — көзэй) и «иштяк» (башк. — иштэк). «Кудей» в переводе с древнетюркского на русский означает север, а «иштяк» означало «иштэге» (в современном башкирском — эстэге), т.е. в переводе на русский язык: «внутренние». Слово «внутренние», в свою очередь, необходимо понимать с позиции башкир и других тюркских народов и учитывать, что это слово как понятие возникло еще в период господства традиционного мифологического мышления. С этой точки зрения «внутренние» можно приравнять к понятиям юг или восток, а «внешние» — север (кузей) или запад. При таком понимании этимологии этих слов можно заключить, что они означали западных и восточных башкир.

Данное предположение находит свое подтверждение в сообщениях китайских летописей и тюркских рунических надписях, в которых говорится о двух крыльях тюрков — туюцюз: правом, восточном — толис, и левом, западном — тардуш [37, с.254], где правая сторона отождествляется с востоком, соотносимой с внутренней стороной, а западная с левой, т.е. с внешней. Если эти сведения сопоставить с данными арабских источников о внутренних и внешних

башкирах, то внутренние башкиры будут расположены на востоке, а внешние на западе, ближе к булгарам, что вполне согласуется с данными исторических источников [аль-Балхи, Истархи, Масуди, Идриси и др.].

На две части делились и киргизские племена: обитавшие на северной (правой) стороне гор Тянь-Шаня назывались «он», на южной (левой) — «сол» [38, с.88]. Заметим, что одно из крупных племенных объединений киргизов называлось ичкилик (т.е. внутренние. — **3.А.**). По данным эпоса «Деде Коркут», из двух больших групп — внешних и внутренних — состояли огузы [18, с.2]. Дуальное деление, видимо, отражено в названии внутреннего племени булгар — эсегиль, у киргизов — ичкилик, у сибирских татар — ичкин. Разделение на два крыла — бузуков (правое) и учуков (левое), что зафиксировано в древнеуйгурской Тесинской надписи, относящейся к 762 г. [28, с.113], было характерно и для древних уйгуров [29, с.49]. В более древние времена аналогичное деление было в государстве сюнну, где, наряду с верховным владельцем — шаньюем, существовали правый и левый «мудрые князья» [27, с.249—251]. Эту дуальную военно-административную систему унаследовали от сюнну генетически связанные с ними древние тюрки-тюцзюэ [37, с.254].

Истоки возникновения дуальной племенной структуры у кочевников исследователи усматривают в дуально-экзогамной системе взаимоотношений двух родов, а затем и фратрий, основанных на брачно-родственных отношениях [3, с.103—104; 22, с.119, 121, 148, 220, 291; 45; 1, с.41, 42; 2, с.125]. По мнению И.Ф.Ситняковского, дуальное деление восходит к структурному делению древних обществ с господством фратриального деления, основанного на кровном родстве [2, с.125]. Деление на два крыла на более поздней стадии развития общества исследователи связывают с характерной для кочевых обществ военно-административной структурой (правый и левый фланги войска) [2, с.125]. Дуальная организация башкир, как и других тюркских народов, отражает характерную для всех них систему, основанную на военно-административных принципах.

Так же, как и у печенегов, каждое башкирское племя в свою очередь делилось на пять частей. Информация о пятичленном делении башкирских племен содержится как в фольклорных, так и в этнографических источниках. В частности, об этом говорится в самом архаическом башкирском эпосе «Урал-батыр» [4], в эпосе «Идукай и Мурадым». Пятичленное деление присутствует в шежере племен: юрматы [32, с.33], минцев [32, с.51, 52] и др., опубликованных Р.Г.Кузеевым [32], а также в башкирском памятнике средневековой письменности «Үсәргән тауарихы».

На наличие у башкир в то время собственных ханств (государств) указывают и разного рода материалы по соседним тюркоязычным народам. При изучении фольклорных и иных материалов, где нашли отражение взаимоотношения этих народов с башкирами, выявляется интересный факт. Соседние тюркские народы воспринимали башкир как крупный народ, имеющий своих ханов, биев с сильным боеспособным войском. В частности, в материалах рукописного фонда Академии Наук Республики Казахстан хранится документ, гласящий, что у истяков, живущих в Уральских горах, был хан Байындер, у которого был сын по имени Кара-батыр [25, с.65—68].

Хан Масим, как владыка всех башкир, является также одним из главных действующих персонажей архаического эпоса «Акбузат» [6], где описываются

события, восходящие к патриархально-родовым временам. Этот же хан упоминается в эпосе «Юлай и Салават» [51, с.96]. В некоторых вариантах эпоса «Кусяк-бий» [37, с.322], а также в эпосе «Идукай и Мурадым» [24] и в других фольклорных произведениях упоминается другой башкирский хан по имени Тура. Недаром автор XVIII века И.И. Георги в своей книге «Описание народов всех в российском государстве обитающих...» о башкирах писал, что они прежде жили под властью своих ханов [15, с.85]. Сведения о многочисленных башкирских ханах, биях (Муйтен-бий, Майкы-бий, Акбулат-бий и др.) разбросаны по многим фольклорным произведениям и шежере (генеалогии) башкир, которые еще ждут своего исследователя.

Государственность башкир, его сложное политическое устройство, социальное неравенство, бесправное положение простого народа нашло отражение в древних башкирских эпосах даже при описании потустороннего мира. Исследователями давно установлено, что представления народов о потустороннем, загробном мире есть зеркальное отражение земной жизни. В представлении шумеров, например, подземное царство было организовано по образу и подобию города-государства, в котором властвовали бог Нергаль с супругой Эришкигаль и совет богов-ануннаков. На небе же владычествовал великий совет богов-игигов, среди которых главенствовал бог земли и воздуха Энлиль, который одновременно являлся владыкой богов и покровителем царской власти [19, с.112]. В башкирских эпосах «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылыу» подземное царство также предстает отражением земного. В нем владычествуют те же ханы и бии, которые угнетали бедноту, в эпосе именуемые чернью (кара), множеством (күп), толпой (туп).

Таким образом, данные эпосов в совокупности с другими источниками указывают на то, что башкирское общество обладало всеми признаками раннефеодального государства. Это — верховная власть во главе с ханом и его подчиненными в лице биев (князей), батыров, предводителей боевых дружин. Каждый князь имел свою дружину. Племена проживали и хозяйствовались на определенной территории, отведенной им ханом. Признание наличия крепкого социально-политического устройства башкирского общества, его государственных институтов с налаженной системой управления позволяет объяснить устойчивое сохранение и количественный рост башкирского этноса в окружении могущественных соседей того периода.

Список использованной литературы

1. *Валеев Д.Ж., Янгузин Р.З.* К вопросу о формировании башкирской народности (к постановке проблемы) // Сборник аспирантских работ Свердловского юридического института. Выпуск 14. Свердловск, 1972. С.95—106.
2. *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994.
3. *Мажитов Н.А.* Была ли у башкир своя государственность до XVI века? // Древности Востока (Сборник к 80-летию проф. Л.Р.Кызласова). М., 2004. С.158—166.
4. *Буканова Р.Г.* Ранние формы государственности у башкир // Ватандаш. 1997. №6. С.195—197.

5. *Буканова Р.Г.* Была ли государственность у башкир? // газета «Известия Башкортостана». №№51, 53, 54 (18—24 марта) 1994 г.
6. *Хусаинов Г.Б.* Боронго башкорт дәүләтселеге һәм уның хандары // Ватандаш. 1999. №8. 115—119-сы бб. (на башк. яз.).
7. *Янгалин А.Г.* Қан тамырҙарыбыҙ кайҙан? Қасандан? // Ағизел. 2007. №10. 133—166-сы бб. (на башк.яз.).
8. *Зарипов А., Зарипова А.* Башкорт дәүләтселеге булғанмы? // Ағизел. 2007. №10. 167—172-се бб. (на башк.яз.).
9. *Аминев З.Г.* Башкорт дәүләтселеге хақында // Йәшлек. №3. 11 ғинуар, 2005 йыл. (на башк. яз.).
10. *Закиев М.З.* Происхождение тюрков и татар. М., 2003.
11. *Күсәк бей (кыпсак версияһы)* // Башкорт халык ижады. Эпос. Икенсе китап. Өфө, 1973. 293—319-сы бб. (на башк. яз.).
12. *Гуревич А.Я.* О генезисе феодального государства // Вестник древней истории. 1990. №1. С.101—106.
13. *Кашгари М.* Дивани лугат ат-тюрк. Ташкент, 1960.
14. *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
15. *Плетнева С.А.* Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
16. *Трепавлов В.В.* История и историческое время в представлениях поздне-средневековых кочевников Евразии // Древнейшие государства Европы. 2001. М., 2003. С.191—203; его же: Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1980. С.125—171.
17. *Гуревич А.Я.* История и сага. М., 1972; Норвежское общество в раннее средневековье. Проблемы социального строя и культуры. Москва. 1977; Категории средневековой культуры. М., 1972; Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. Человек в истории. 2006. М., 2006. С.11—49; Диалог современности с прошлым. «Категории средневековой культуры» 35 лет спустя // Одиссей. Человек в истории. 2007. М., 2007. С.5—18;
18. *Курылев В.П.* Общественный строй огузов по данным эпоса «Деде Коркут». М., 1964.
19. *Кузеев Р.Г.* Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957.
20. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974.
21. *Изеүкәй менән Моразым.* Башкорт халык ижады. Өфө, 1994. (на башк. яз.)
22. *Сагитов М.М.* Отражение консолидации башкирской народности в эпических сказаниях // Археология и этнография Башкирии. Том 4. Уфа, 1971. С.280—281; *Сагитов М.М.* Консолидация башкирской народности в эпических сказаниях // Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969.
23. *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1999.
24. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966.
25. *Марей А.В.* Особенности социально-политической организации печенегов // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
26. *Любчанская Т.В.* К вопросу о социально-политическом устройстве печенегов // Этническое взаимодействие на Южном Урале. Челябинск, 2004. С.86—89.
27. *Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда бек Омар Ибн-Дафта // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1868.

28. *Бейлис В.М.* Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Максиди (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1969.
29. *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с конца VII века до конца X века. СПб., 1870.
30. *Булатов А.Б.* Восточные авторы о башкирах // Археология и этнография Башкирии. Т.IV. Уфа, 1971. С.323—325.
31. *Узак-Тузак — бала бәшнәк ярсығы* // Башкорт халык ижады. Т.IV. Өфө, 1999. 281—288-се бб. (на башк. яз.).
32. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991.
33. *Бутанаев В.Я.* Военная организация и вооружение енисейских кыргызов // Панорама Евразии. 2008. №2. С.32—36.
34. *Абу-Заид аль-Балхи.* Книга видов земли. СПб., 1870.
35. *Куңыр Буға* // Башкорт халык ижады. Эпос. Беренсе китап. Уфа.1972. 274—292-се бб. (на башк. яз.).
36. *Зөһрә менән Алдар* // Башкорт халык ижады. Эпос. Икенсе китап. Уфа.1973. 151—292-се бб. (на башк. яз.).
37. *Кляшторный С.Г.* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С.254.
38. *Жапаров А.З.* Элементы государственности у кочевников и оседлые общества // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства. Алматы, 2007. С.85—93.
39. *Кляшторный С.Г.* Хазарские заметки // Тюркологический сборник. 2003—2004. М., 2005. С.113.
40. *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. М.-Л., 1958.
41. *Кляшторный С.Г.* Гуннская держава на Востоке (III в. до н.э. — IV в. н.э.) // История древнего мира. М., 1989. С.249—251;
42. *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.
43. *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
44. *Толстов С.П.* Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. №9—10.
45. *Абдуманапов Р.А.* К истокам организации родоплеменной структуры кыргызов // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С.40—49.
46. *Абрамзон С.М.* К семантике киргизских этнонимов // Советская этнография. 1946. №3.
47. *Аминев З.Г.* О понятии «биш иль» в эпосе «Урал-батыр» // Эпос «Урал-батыр» и мифология. Уфа, 2003. С.73—75.
48. *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере. Уфа, 1960.
49. *Кара-батыр (из рукописного фонда)* // Известия АН Казахской ССР. 1986. №1. С.65—68.
50. *Акбузат* // Башкорт халык ижады. Беренсе китап. Эпос. Өфө, 1972. 145—186-сы бб. (на башк. яз.).
51. *Юлай менән Салауат* // Башкорт халык ижады. Эпос. Өсөнсө китап. Өфө, 1982. 92—126-сы бб. (на башк.яз.).
52. *Георги И.И.* Описание народов всех в российском государстве обитающих, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и протчих достопамятностей. Башкирцы. СПб., 1776. С.85—103.
53. *Заблоцка Ю.* История Ближнего Востока в древности. М.: Наука, 1992.

2. О двухкрыльевой системе управления башкирским обществом

В данной части статьи реконструируется социально-политическая структура раннесредневековых башкир, и показывается, что их обществу так же, как и другим тюркским народам того времени, было свойственно двухкрыльевое устройство.

Данные о внутреннем устройстве башкирского общества сохранились в дошедших до наших дней работах восточных авторов, в которых они сообщают о языке, религии, о взаимоотношениях с соседями и т.п. сведения о башкирах. Сопоставляя эти сообщения с фольклорными и этнографическими материалами самих башкир, а также с данными из родственных башкирам тюркских народов, вполне возможна реконструкция социально-политической структуры башкирского общества раннего средневековья. Для использования метода аналогии с родственными народами есть все основания, и выводы, думается, будут вполне адекватными, корректными. Ведь башкиры того времени находились в окружении хоть и родственных, но воинственных и агрессивных тюркоязычных народов, социально-политическое устройство которых было довольно высоким. В то сложное время выживали сильные, умеющие дать отпор посягательствам любого на экономическую, политическую, этническую самобытность. Чтобы сохранить свою этническую идентичность, не раствориться и не исчезнуть среди мощных соседей, башкирам необходимо было соответствовать уровню развития своих соседей или даже быть выше их. Только при таких условиях они могли сохранить себя, свою землю. Башкирское общество во всех источниках восточных авторов IX—XII вв. характеризуется именно как одно из сильных, крупных, умеющих давать отпор своим врагам обществ. Так, Махмуд Кашгари в своем известном труде, посвященном тюркским народам, писал, что среди многочисленных тюркских народов, живущих на огромных пространствах, к наиболее крупным относятся двадцать народов и среди них он одним из первых указывает башкир [24, с.68—70].

Говоря о государственности, исследователи в первую очередь считают необходимым определить систему управления в данном социально-политическом организме, так как государство предполагает «наличие системы государственных органов и местной администрации» [22, с.81].

По мнению Ю.Е.Березкина, централизованные сообщества численностью порядка 100 тысяч человек, не имеющие административно-управленческого аппарата, не известны, а численностью порядка 50 тысяч недолговечны. С другой стороны, автономные коллективы с менее чем тысячью членов обычно обходятся без институализированного руководства. Демографические параметры и степень развития средств связи определяют пространственные размеры вожеств, ибо территории, удаленные от центра более чем на день пути, трудно контролировать без помощи профессионально занимающихся своим делом чиновников и воинов [2, с.6].

Исследования ученых-кочевниковедов показывают, что все крупные кочевые народы имели примерно одинаковую стандартную, унифицированную и испытанную веками систему управления.

Как показали исследования Д.Г.Савинова, в Центральной Азии от хунну до распада Монгольской империи устойчиво функционировала система власти, основанная на иерархии кочевых этносов, племен, родов [27, с.41—45].

К аналогичным выводам приходит известный исследователь кочевых обществ Е.И.Кычанов, по мнению которого, для кочевых государств Центральной Азии являлось разделение их на центр, восточную (левую) и западную (правую) части, или на северно-южную и на внутреннюю и внешнюю. Для кочевого государства такое крупное деление являлось практически нормой. Государство сюнну делилось на центр, где размещался шаньюй, и на левую и правую стороны. Деление на левое и правое крыло было принято и у усуней, государство которых тоже подразделялось на три части.

Эту традицию продолжили сяньбийцы. Тоба Лигуань в 294 году разделил государство на три части — центр, левую и правую. При сяньбийцах мы обнаруживаем появление традиции деления государства на север — юг. С 339 г. по 386 г. государство Тоба делилось на северную и южную части, в 386 г. это разделение подтвердил и Тоба Лигуй (хотя одновременно он поделил государство еще и на левую и правую части). Севером и югом управляли северный и южный дажэнь, левым крылом — левый цзочжанши, правым — правый юсыма. Государство жуаньжуаней делилось на восточный и западный край. У тюрков в 572 г. Тобо-каган поделил каганат на три части. При Капаган-кагане (697—716 гг.) были введены должности цзосянча — наблюдателя левого крыла и юсянча — наблюдателя правого крыла [22, с.80—81].

Дуальное устройство гуннского общества с делением их на белых и черных гуннов, со ссылкой на индийские источники, отметил Маркварт [30, с.31]. На дуальное деление указывает также известный факт управления Аттилой и его братом Бледой над двумя частями гуннского общества, пока Аттила в 445г. не убил своего брата и не стал управлять гуннами единолично [31, с.111]. По единодушному мнению исследователей, такое деление империи хунну было устроено Модэ. При этом центром управлял сам шаньюй, а руководство крыльями было вверено его наиболее близким и доверенным родственникам [28, с.148].

Союз тюргешских племен подразделялся на две фратрии — «черных» и «желтых» тюргешей [12, с.33].

Исследование в 20—30-е годы XX века эпических памятников, как «Огуз-наме» Рашид-ад-Дина и в «Огуз-наме» уйгурской записи, помогло раскрыть наличие дуализма в социально-политическом устройстве древних тюрков. На дуальную организацию у огузов указывает деление их эля на две половины бозук (бозок) и учук (учок). Разделение на два крыла — бузуков (правое) и учуков (левое), было характерно для древних уйгуров [15, с.49], причем упоминание о существовании подобной дуальной структуры зафиксировано еще в древнеуйгурской Тесинской надписи, относящейся к 762 г. [12, с.113].

Дуальная организация уходит своими истоками к институту экзогамии — запрету брака между двумя родственными первобытными родами. Отражение

данного принципа организации социума можно видеть в эпосе «Книга Коркуда» — дуальное деление общества в ней «документируется» посредством двух этнонимов Ич-Огуз и Даш-Огуз, которые В.В.Бартольд переводит как «внутренние огузы» и «внешние огузы» [1, с.65; 20, с.2].

При сражениях внешние огузы занимали правое крыло, а внутренние же занимали центр и левое крыло. Т.е. огузы действовали в полном соответствии с военным искусством тюркских племен [20, с.25].

В тюркском мире племена обычно делились на две части, как «белые» и «черные», или «внутренние» и «внешние»; затем же они, или их большие части, могли называться по количеству племен, входивших в тот или иной союз: три карлукских племен (уч карлук), девять огузских племен (тогуз огуз), тридцать татарских племен (отуз татар) и т.д. Почти во всех случаях «белые» или «внутренние» — это правящая группа, чья численность, естественно, меньше численности простого — «черного» народа (тюрк. «кара будун», монг. «хара улус»). В тех случаях, когда вопрос о политическом господстве оказывается неактуальным, «белые» — это просто меньшая по численности группа. Такое разделение встречается почти во всех степных объединениях и почти у всех народов тюркского происхождения: гуннов, болгар, хазар, уйгуров, половцев, татар и т.д. [10, с.6—9].

По мнению О.Прицака, Караханидский каганат управлялся двумя высшими каганами [19, с.372].

На центр и два крыла делилось и монгольское общество: левое «барунгар» и правое «джунгар». В 1231 году монголы завоеванные ими земли поделили на правую и левую половины. Правой ведал монгол Чинкай в чине ючэнсяна, левой — чжурчжэнь Няньхэ в чине цзочэнсяна. Киданьская центральная администрация разделила управление страной на Северную и Южную администрации [22, с.81].

Обращение к башкирским материалам показывает, что данная закономерность действовала и у них. Известно, что в составе башкирского народа имеется множество родов и племен, точное количество которых вряд ли можно назвать. Но, несмотря на такой многокомпонентный состав, во всех ранних средневековых источниках башкиры упоминаются как единое целое под нынешним названием «башкорт». В путевых записках Ибн Фадлан (X в.) пишет не о каких-то родах и племенах башкир, а о народе (халык). Это показатель того, что башкиры как этнос состоялись и имеют устойчивое самосознание и имеют свое социально-политическую организацию в виде государства. Как установлено исследователями, народ на историческую арену выводит государство. Большинство исследователей придерживается мнения о примате государства над нацией: государство, по их мнению, «рождает» нацию, а не наоборот... [4, с.140]. По этому поводу крупнейший специалист в области тюркологии и истории тюркских народов И.Л.Кызласов пишет: «название того или иного народа проникает в письменные памятники древности и средневековья лишь тогда, когда оно становится в большей степени политическим, нежели этническим показателем, ибо под наименованием господствующего этнического компонента всегда выступает социальное объединение сложного по происхождению и по крови состава. Для средневековья оно часто неоднородно и в языковом отношении» [21, с.208, 209].

Мы можем исходить из того, что государство есть и продукт, и создатель народа. О том, что первично — государство или народ, — издавна идет спор (примерно как о курице и яйце). Бывает, что толчок процессу создания дает государство, которое затем гибнет; но созревание народа продолжается уже без своей независимой государственности. Чехи как народ начали консолидироваться в своем государстве в X—XI вв., но в XVII в. потеряли независимость, которую вновь обрели лишь в XX веке. Но даже три века онемечивания не рассыпали народ. Бывали и случаи, когда государство уже сложившегося народа терпело полный крах и исчезало, а народ оставался — в рассеянном состоянии или под сенью другого государства; но не встречалось сведений о том, как народ сложился без участия государственных структур [9, с.109].

Самые ранние сведения о башкирах оставили нам арабские авторы, которые зафиксировали этот народ на Южном Урале. Как и сегодня, этот народ арабами назван «башкорт» или в близком к этому фонетическом звучании «баджгирд», «баджгард». Обитающие на Южном Урале и прилегающих землях башкиры были известны арабским путешественникам Ибн-Даста, Ахмеду Ибн-Фадлану, Абу Заид аль-Балхи и др., которые побывали в этих краях в IX—X вв. н.э. Первый из них ясно характеризует башкир как «народ самостоятельный, занимающий территорию по обеим сторонам Уральского хребта между Волгою, Камою и верхним течением Яика». Ибн-Фадлан, Абу Заид аль-Балхи, сами прошедшие через башкирские земли, отметили башкир как народ, издавна живущий на Южном Урале [Путешествие Ибн-Фадлана... 1939. 66; 26, с.31]. Наличие фиксированной этнической территории и самоназвания — показатель того, что уже в то время у башкир имелось единое самосознание как этнической общности. Как пишет выдающийся российский исследователь-медиевист А.Я.Гуревич, «момент осознания обществом своей природы всегда есть важный этап его развития и показатель зрелости сложившихся отношений» [6, с.105].

В подтверждение более высокого уровня сплоченности башкир попутно нужно отметить интересную информацию, на которую обратил внимание известный исследователь Востока А.П.Ковалевский и на которую никто из остальных исследователей не обращает внимания до сих пор. А.П.Ковалевский отмечает, что ибн-Фадлан в отношении башкир применяет термин «халк», то есть «народ», но никак не «кабия» (племя, род), которым он охарактеризовал огузов и эсегиль [14, с.36, 39]. Это — показатель более высокого уровня сплоченности и самосознания башкир.

Известный российский археолог и специалист в области кочевых цивилизаций С.А.Плетнева сложение башкирского народа и его высокоразвитой культуры на Южном Урале и прилегающих землях относит к глубокой древности. По ее мнению, очень рано сформировавшиеся на этих землях башкиры потом, несмотря на всякие исторические катаклизмы и политическое подчинение их разным государствам, продолжали обитать на этих землях, и это обеспечило их устойчивое и поступательное развитие до современности. По мнению С.А.Плетневой, именно только укоренённостью башкир на одном месте (на Урале. — **3.А.**) можно

объяснить удивительную жизнестойкость и силу их многовековой культурной традиции [29, с.238].

Если обратиться к данным восточных авторов о башкирах, то они отмечают о делении башкир на две части. Например, автор IX—Xвв. Джейхани знает о внутренних и внешних башкирах [23, с.129].

Писатель первой половины X века Абу Заид аль-Балхи (умер около 940г.) пишет: «Башджары разделяются на два племени, одно племя живет на самой границе Гузии (страна куман) близ булгар. Говорят, что оно состоит из 2000 человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может их покорить... Другие же башджары граничат с печенегами. Они и печенеги — тюрки, близкие соседи румийцев» (Абу-заид аль-Балхи. Книга видов земли. 1870. с.123) — [5, с.95—106]. Попутно необходимо отметить, что названное аль-Балхи удивительно точное указание количества как «две тысячи человек» надо понимать не как общее количество этой группы башкир, а как находящееся при руководителе войско.

У арабского писателя Истархи (Xв.) в варианте его работы, изданном де Гуя на арабском языке, говорится: «башкиры состоят из двух групп. Из них одна группа соседит с гузами, к северу от булгар. Их число доходит до двух тысяч мужчин» (Истархи. Китаб аль Масалик ва аль Мамалик. Лейден, 1927. с.225) [3, с.324]. Две группы башкир указал на своей карте и Идриси, который делит их на внутренних и внешних.

Отголосок деления башкир на две группы, т.е. на существование в прошлом у них дуальной организации общества мы видим на примере рода йылан, который также делился на две половинки — деление рода йылан на «эске» (внутренние) и «тышки» (внешние) [8, с.35].

На два крыла (восточное и западное) делилось по обычаю тюрков Табынское ханство [32, с.4].

Сообщения восточных авторов о двоичном делении башкирского общества находят подтверждение материалами башкирского фольклора. Так, в частности, в эпосе «Кусяк-бий» в самом начале сообщается, что башкиры управлялись двумя ханами — Масим и Ураз [18, с.293—295]. Деление башкир на две группы — на «южных» (көн) и «северных» (төн) показано также и в эпосе «Куныр буга» [17, с.274].

Древний период, когда башкирское общество делилось на две фратрии, находит отражение и в эпосе «Зухра и Алдар», хотя напрямую там не говорится о делении башкирского общества на две группы, но в повествовании все время говорится о «лесных» (урман) и «степных» (кыр) башкирах. Через события, связанные со сватовством Алдара к Зухре, показывается деление башкирского общества на две фратриальные группы — род Зухры относится к лесным башкирам (канглы), а Алдар принадлежит к степным башкирам, которые описаны как проживающие в Ирендкских горах (бурзяне, нынешнее башкирское Зауралье). В эпосе говорится, что родственным к роду Зухры являются также башкиры гайнинцы. В эпосе дается также и описание земель рода Зухры. Ее отец Кыдрас был главой башкир, земли которых простирались от мест слияния реки Агидель и Уфы (река Караидель), вверх по

реке Агидель до слияния ее с рекой Чулман-Идель (Камы), по реке Бирь, по рекам Кармасан и Сармасан, и до земель вокруг озера Кандракуль. Зимой ее род места на зимовку (кышлау) выбирал в глухих лесах. Летом же выезжали на летовку (йәйләү) в сторону озера Кандракуль и рек Кармасан и Сармасан (гидронимы приведены в башкирской транскрипции). О наличии дуального устройства башкирского общества говорит также расположение гостей у главы рода Кидраса, где по правую руку от него садился Балтас, а по левую руку от него сидел Итбай, что соответствует установленному в тюркских обществах этноэтикету. Такое же расположение в источниках зафиксировано среди среднеазиатских ханов [7, с.151—292].

Таким образом, башкирский фольклорный и этнографический материал показывает, что в раннесредневековый период башкирам также была свойственна двухкрыльевая система управления, восходящая к дуальной организации с двумя вождями (например, Масим и Ураз), двумя экзогамными половинами рода и соответственно их территориями. Являясь частью огромного тюркского мира, башкиры, так же как и другие тюркоязычные народы (казахи, узбеки, татары, киргизы и др.), могут быть признаны закономерными наследниками древнетюркского каганата. По этому поводу известный специалист по тюркским народам Л.П.Потапов писал, что древнетюркский каганат для многих современных тюркоязычных народов является таким же общим наследием их древней культурной жизни, каким является для русского, украинского и белорусского народов Древнерусское (Киевское) государство. Точно так же современные башкиры, татары, узбеки, казахи и др. древнетюркский каганат могут рассматривать как общее наследие [25, с.86].

Список использованной литературы

1. *Алиязов С.С.* «Книга Коркуда»: проблемы комплексного историко-филологического исследования // Советская тюркология. №4/1989. С.62—75.
2. *Березкин Ю.Е.* Апатани и древнейший восток: альтернативная модель сложного общества // Кунсткамера: этнографические тетради. Выпуск 4. СПб., 1994. С.5—19.
3. *Булатов А.Б.* Восточные средневековые авторы о башкирах // Археология и этнография Башкирии. Т.IV. Уфа, 1971. С.323—325.
4. *Бушар М.* Православие как идеологическая основа становления русской нации // Этнографическое обозрение. 2002. №4. С.139—148.
5. *Валеев Д.Ж., Янгузин Р.З.* К вопросу о формировании башкирской народности // Сборник аспирантских работ. Выпуск 14. Свердловск. СЮИ. 1972. С.95—106.
6. *Гуревич А.Я.* О генезисе феодального государства // Вестник древней истории. 1990. №1. С.101—106.
7. *Зәһрә менән Алдар* // Башкорт халык ижады. Эпос. Икенсе китап. Өфө, 1973. 151—292-се бб. (на башк.яз).

8. *Илиуф К.Ш.* О происхождении некоторых этнонимов. Семипалатинск, 2008.
9. *Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В.* Национализм в современной России. М.: Алгоритм. Научный эксперимент, 2014. (408 с.).
10. *Каратай Осман.* Белые хорваты по данным восточных источников // *Rossica Antiqua*, 2011. №2. С.3—22.
11. *Кляшторный С.Г.* Рунические надписи Таласа: проблемы датировки и топографии // Изучение культурного наследия Востока. СПб., 2001.
12. *Кляшторный С.Г.* Хазарские заметки // Тюркологический сборник. 2003—2004. М., 2005.
13. *Ковалевский А.П.* Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л., 1939.
14. *Ковалевский А.П.* Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Ученые записки. Выпуск IX. Чебоксары, 1954. (54 с.).
15. *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. М.-Л., 1958.
16. *Кузеев Р.Г.* Национальные движения в России в прошлом и логика их современного развития // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч.1. М., 1993. С.129—147.
17. *Куңыр буға* // БХИ. Эпос. Беренсе китап. Уфа, 1972. 274—292-се бб. (на башк.яз.).
18. *Күсәк бей* // Башкорт халык ижады. — Уфа, 1973. 293—295-се бб. (на башк.яз.).
19. *Кочиев Б.Д.* Новые данные по генеалогии и хронологии Караханидов // Фольклор, литература, история Востока. Ташкент, 1984. С.367—377.
20. *Курьлев В.П.* Общественный строй огузов по данным эпоса «Деде Коркут». М., 1964.
21. *Кызласов И.Л.* Рунические письменности Евразийских степей. М.: Наука, 1994.
22. *Кычанов Е.И.* Кочевое государство // У времени в плену... Памяти С.С.Цельникера. М.: Наука, 2000. С.73—89.
23. *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа: Китап, 1994.
24. *Махмуд ал-Кашгари.* Дивани лугат ат-тюрк. (Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М.Ауэевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. (1288 с.).
25. *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991.
26. *Руденко С.И.* Башкиры. М., 1955.
27. *Савинов Д.Г.* Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С.41—45.
28. *Скрынникова Т.Д.* Структура власти монгольских кочевников эпохи Чингис-хана // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: Институт Африки РАН, 2002.
29. *Степи Евразии в эпоху средневековья.* М., 1981.
30. *Толстов С.П.* Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистических обществ. №9—10. 1935. С.3—41.
31. *Томпсон Э.А.* Гунны. Грозные воины степей. М., 2008.
32. *Тычинских З.А., Муратова С.Р.* Свидетельства ранних этнических и социокультурных связей башкир и сибирских татар // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). №11 (19). 2012. // www.sisp.nkras.ru.